

МАКСИМ Д. ШРАЕР



ВОЙНА
СТИХОТВОРЕНИЯ
2023-2024

МАКСИМ Д. ШРАЕР

ВОЙНА

«Книга Максима Д. Шраера... замечательный пример международной русской литературы в американском изводе». — *Александр Бараш*

«Это смелая книжка. Не только потому, что её автор открыто заявляет о своей позиции... Но и в поэтическом высказывании Максим Д. Шраер так же самостоятелен...» — *Лена Берсон*

«Это страстная книга. И виртуозная по исполнению... Перед нами абсолютно самобытный поэт. Такие голоса редки. К ним надо прислушиваться и дорожить ими». — *Илья Кутик*

«"Война" Максима Д. Шраера —...публицистический памфлет. Экзистенциальный манифест. И своего рода оратория. И реквием... И документальная драма. И модернистский псалом...» — *Сергей Лейбград*

«Требуется не только умение, но и лирическая отвага, чтобы потребность выговориться претворилась в созидательное творческое действие, а это как раз то, что происходит в стихах Шраера». — *Григорий Стариковский*

ISBN 978-965-93235-0-0



9 789659 323500

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЮБОВЬ ИЛИН
БАБЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЮБОВЬ ИЛИН
БАБЕЛЬ

МАКСИМ Д. ШРАЕР

ВОЙНА

СТИХОТВОРЕНИЯ

2023–2024

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КНИЖНОГО МАГАЗИНА
БАБЕЛЬ

Тель-Авив
2025

Максим Д. Шраер.

Война. — Тель-Авив. Издательство книжного магазина
«Бабель», 2025. — 112 с.

Copyright © 2025 by Maxim D. Shrayer. All rights reserved.

The English-language originals of the poems appearing
in the author's Russian translation are Copyright © by Thomas
Bolt, Carol V. Davis, Andrew Sofer, and the estates of Albert C.
Cook, Louise Glück, and Edwin Honig.

ISBN 978-965-93235-0-0

В книгу Максима Д. Шраера вошли тексты, написанные после
7 октября 2023 года и так или иначе связанные с войной про-
тив Израиля, против Украины и против евреев во всем мире,
а также избранные переводы из американских поэтов.

Ранние варианты вошедших в эту книгу стихотворений и пере-
водов были опубликованы в журналах «Артикль», «Берлин.
Берега», «Дактиль», London Cult, «Мастерская», «Новый жур-
нал», «Новый свет», «Побережье», «Семь искусств», ROAR.
Автор благодарит редакторов и кураторов этих изданий. Автор
выражает благодарность Александру Барашу, Лене Берсон,
Игорю Вишневецкому, Дмитрию Драгилёву, Бэру Котлерману,
Илье Кутику, Борису Ланину, Сергею Лейбграду, Максиму Мус-
селю, Яну Пробштейну, Григорию Стариковскому и Е. Ц. за цен-
ные замечания по рукописи.

Автор выражает благодарность Евгению Когану и его коллегам
по Издательству книжного магазина «Бабель».

Благодаря поддержке Бостонского Колледжа 50 экз. этой книги
передаются в университетские библиотеки США и Канады.

С любезного разрешения Арно Арака для обложки
использован фрагмент картины Юри Аракка «Город
Башень» (1979)

© Максим Д. Шраер, 2025

© Изд-во книжного магазина «Бабель»,
подготовка к печати, 2025

Памяти моего отца

אָוואַדױס האָט באַוונדערט דעם קאַיאָר און זיך געקוויקט,
געלעגן דער באַגין איז אויף דער הויפטשטאָט ווי אַ פּאַנצער.
דערמאָנט האָט ער זיך, גייענדיק, די ערשטע טעג פֿון קריג,
דעם ערשטן אויפֿברויז האָט ער, גייענדיק, דערמאָנט זיך.

פרץ מאַרקיש, מלחמה

*Приезжий хмурился под солнцем запоздалым,
И стойкость зелени, преодолевшей плен,
Ему напомнила низвергшийся обвалом
Гул первых дней войны и первый вой сирен.*

Перец Маркиш, «Милхоме» («Война»)
вольный перевод с идиш Марка Тарловского

СТИХИ
О СОЖЖЕННОМ
ПАСПОРТЕ

Партитура 1.01

Как русские евреи целуют Пастернака —
то в лоб, где лес и степь,
то в мятую ладонь,
как бабочка трепещет в аллее темной парка,
где бунинская смерть
поддельна, как латунь,

так парки — три старухи — не могут не считаться
с тем, что не променять
судьбу на сатану,
так не способен больше ни петь и ни читать я,
а только вспоминать
убивицу-страну.

Экскурсия

Что праздных горожан пустая ласка,
фантазий выдуманный бред?
Опутала спасительная ряска
старинный монастырский пруд.
На дне лежат родные кости,
ключицы, белые как мел,
запястья тонкие и кисти
рябиновых еврейских тел,

расстрелянных в конце июня
субботним утром, под дождем
мертвительным, когда иуда
был местечковым почтарем,
когда евсей раввинским жестом
молил всевышнего спасти
своих детей в краю небесном
и умирал у пропасти.

Девятое мая в Массачусетсе

Бостонская иммигрантка идет на войну...
Не на войну, так на битву за прошлое.
Словно готовится к новой высадке на Луну,
шаркает башмаками по Гарвардской площади.
Было старухе всего двадцать два в победную эту весну,
она еще марширует, она благодарна за то, что ей.

Вспоминает дотла разбитую Красную конницу,
бабку и деда, родителей с младшим братом,
в августе вся родня была расстреляна в Каменце.
Потом декабрь под Москвой, дивизионный провод
она продержала полночи в зубах, не успев опомниться
от мороза, приказа и ужаса, что не останоят.

Представляли к ордену Красной Звезды, но дали
медяки, нынче они звенят, как трамваи,
«За отвагу», а потом еще четыре медали,
которые дребезжат чужими словами,
то взрываются переспелыми сливами,
а то саднят в пересохшей иммигрантской гортани.

Мамочка, ну куда ты идешь, сейчас не время,
ей говорят рожденные в Харькове умные чада,
немолодые американки, пригородные евреи.
А когда же время, деточки? За что я воевала?
Чтоб сейчас отстегнула памяти портупею?
Обо всем забыла? Чтоб трусливо молчала?

Мама, это было тогда, а это сейчас...
Но призрак старухи угрюмо идет
на войну за прошлое. Или с прошлым?
Это сражение уже не выиграть никому.

Дальнобойный обстрел Одессы

*И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг*

Ахматова

Когда на Одессу летят дальнобойные,
приходят на помощь поэты и воины.

Они обращаются к теням разбуженным
тех, кто любил в этом городе южном,

тех, кто писал на иврите, на идише,
на греческом, польском и украинском,

на итальянском, французском и русском,
на татарском, болгарском, румынском.

Из давних стихов вырастают повстанцы —
одесские стансы, военные стансы.

Бялик считает убитых и раненых.
Слушай, Одесса! Слушай, Израиль!

Ахматова, профиль богини одесской,
кортик сжимает отцовский, морской.

Саша Черный, потомок провизора,
взрывчатку готовит с улыбкой провидческой.

Еврейская арфа Эолова, Фруг,
клянись за Одессу погибнуть, мой друг.

Леся, любимица солнца и соли,
старый наган достает с антресоли.

Бунин, янтарь и слоновая кость,
винтовку сжимает, как тонкую трость.

Багрицкий, скрывая чахоточный кашель,
шлет почтарей с Дерибасовских кафедр.

Ручной пулемет поднимает Сосюра
туда, где играет Орфей для кентавра.

Жабо, словно фокусник потусторонний
ведет за собою отряд обороны.

Рифмы их дерзкие, песни вольные
защищают небо одесское.

Моя вязаная кипа

Максиму Мусселю

Я купил вязаную кипу
у старого мистика,
который коротает дни
на Шук Ха-Кармеле.

Моя кипа сплетена
из многих нитей,
черных, как память
в день Девятого Ава,
голубых, как глаза
убиенных литовских евреек,
белых, как льняной саван,
который я одену
на свои похороны,
грубых, как соль Мертвого моря,
мягких, как песок Негева,
шелковых, как молоко
бедуинских верблюдов.

Мой дорогой друг
из Москвы, который
живет к северу от Тель-Авива
в израильской хрущобе
без бомбоубежища,
сказал мне: «Ты стал
религиозным сионистом».
Мы говорили через
два или три дня
после нападения Хамаса,
я исходил бессмысленными
выражениями
праведного гнева.

Спорить я не хотел. Мой друг
стоял на лестничной площадке
у пыльного окна. Ракеты
летали по экрану его смартфона.

Поэты Хамаса

Франку Саламэ

Поэты Хамаса оплакивают смерть своих собратьев,
англоязычные сонеты и вилланели,
в которых отрицается,
что молодчики из Газы калечили израильских девушек,
насиловали оравами, с неистовым усердием, —
кровавая рифмовка кольцевая кровавых тел, терцины
обезглавленных младенцев, отрезанные груди,
тоннели героических куплетов, прорытые поэтами,
которые живут и умирают, чтоб убивать евреев.

Поэты Лондона и Бостона скорбят по стихотворцам
из Газы. С упоением цитируют их жертвенные бейты
на X, Ютубе и Фейсбуке, читают их касыды, написанные
посреди развалин, стараются перевести их васфы,
где прославляются набеги на жителей кибуцев,
насибы, где воспевается бесславное начало интифады,
и фахры, где восторг и упоенье, где смерть рифмуется
с Израилем, поэты Бостона и Лондона
разносят как чуму.

Бостонское утро

Е. Ц.

Кто серого не любит неба
и черного не помнит хлеба
и запах гари заводской,
за водкой очередь... Тоской
с утра охваченные люди,
бредущие домой, как бляди
усталые, иль корабли
на дно идущие, рубли
несущие на грязном блюде
московских волглых пустырей,
чтоб их истратить поскорей...

Я вспоминал, а за окном
в тумане белом, ледяном
дрожал и просыпался Бостон,
ушами прядал, холку гнул,
оглоблю тяжкую тянул,
откашливал соленый воздух.

Я горький кофе пил, я вслух
газету местную читал,
страницы памяти верстал —
зачем от дочек и жены
я прятал слезы потайные?